

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

НЕМАЛО когда-то цветущих мест, полных зелени и живой радости бытия, вытоптана на нашей планете война за тысячелетия человеческой истории... Зарастали оросительные каналы, опустошительный ураган выкорчевывал сады, оставлял хаос бурелома там, где были леса, и глухие пески пустынь просеивались в некогда благодатные районы земли, погребая под собой все живое.

А у кого из нас, побывавших лет пятнадцать назад в Брянских и Смоленских не колоды сердца зановой торжественной боли горелой сухостью побитого войной бора...

И каюк же воображение способно вместить в себе пейзаж земли, если и не принесет грибовидный смерч термоядерного взрыва, пожирающий любую жизнь в своем эпицентре и отравляющий все на сотни километров окрест...

Но вот уже наступает пора, когда миролюбивая, жизнестойкая юность начинает по-своему возделывать землю. Сошедшиеся в крепком дружеском рукопожатии руки, песня дружбы, начатая на одном языке и подхватываемая на другом, гирлянды флагов всех стран, сплетенных в нерасторжимые узлы международного товарищества, многоязыкий, но тесный, плотный, плечо к плечу, строй молодых поборников мира и веселую зелень новых насаждений ставят сегодня молодость на пути чело-вечекосвеннистиков, чьи низменные побуждения толкают народы к войне.

Как известно, в Химках в один из дней фестиваля, там, где в городе поднималась зеленая гора, возмужавшие на которых сегодня можно встретить корабли пяти морей, происходило событие, чрезвычайно знаменательное и исполненное какого-то особенного и милого благородства.

Мы за дни фестиваля уже успели поглядеть немало чудесного. Москвичи и гости фестиваля увлеченно аплодировали талантливым артистам английских драматических театров, меланхолической и строгой грации египетских танцовщиц, темпераментному искусству танцов Черной Африки, прелестью пантомимам чилийцев, высокому мастерству музыкальных ансамблей Югославии, певцам и плясунам Финляндии, молодежным оркестрам Чехословакии, народным танцам Гваныи...

Мы, писатели, уже встречались с молодыми любителями книги, явными до правдивого, сильного и звучного слова, на каком бы языке оно ни было написано и запечатано. Виднейшие наши художники слова в этот вечер — он проходил в Доме ученых — были окружены своими молодыми почитателями, которые прочли их книги у себя дома, на своем родном языке, и теперь спешили познакомиться с авторами, поблагодарить и расспросить их, а кое-чем и поспорить... И мы слышали в устах молодых гостей Конго, Ганы, Англии, Норвегии и Мексики имена Толстого, Горького, Маяковского, Шолохова, Фадеева.

Мы были свидетелями трогательных сцен, когда толпы москвичей, терпеливо ожидавшие выхода гостей-артистов из овалов прямо на улице, и артисты, воодушевленные этой радужной встречей, снова выходя из чехлов свои инструменты и продолжая выступление прямо на московской улице. Два дня назад я видел, как на углу улицы Пушкина и Георгиевского переулка, у Дома союзов, один из только что выступивших в Колонном зале музыкантов, теперь устроившись в нише здания, играл на виолончели, окруженный защитой в благодарном внимании толпы. И невольно вспомнились мне не раз встречавшиеся в городах Западной Европы сорбонные уличные музыканты, инвалиды войны, те, что бредут горькими напояниями души прохожих, смущая бросающим гроши в шляпу, лежачую на панели возле ног скитанца или вдовульчицы... Но! Молодость не хочет мириться... Но! Молодость сегодня хочет радоваться людям и тишине собственного сердца песней, музыкой, словом и стихом.

Зеленый шум

которые обращены с душевным доверием к сверстнику, также желаемому добра и счастья. И москвичи горячо аплодируют тем, кто принес на наши улицы свои песни, свое искусство!

И также радушно, доверчиво, дружелюбно приветствовали люди, стоявшие на всем протяжении Ленинградского шоссе от города до Химок, наших гостей, которые спешили к пункту, предназначенному стать одним из примечательнейших мест столицы.

Парк Дружбы закладывали здесь в этот день!

Когда-то Горький в одном из своих писем к сыну говорил о том, как было бы хорошо, если каждый человек оставил после себя на земле нечто хорошее — цветы... И вот тысячи молодых сынов и дочерей пяти континентов земного шара направлялись в Химки, где поднят к небу золотой шпиль над Северным портом столицы, чтобы на месте вчерашнего пустыря посадить большой парк, каждый цветок, каждое дерево которого будут напоминать нам о том, что молодые силы человечества, объединенные в благородной дружбе, решили не давать больше войне уничтожать жизнь.

Уже знакомые всей Москве автобусы с табличками «Швеция», «Сирия», «Польша», «Чехословакия», «Италия», «Аргентина» высаживают веселых, энергичных пассажиров перед просторной, распахнутой местностью, где все приготовлено и посажены деревья. Громадный щит, на котором нарисован план будущего парка, позволяет нам уже сегодня представить, как будет хорошо здесь через несколько лет.

Пионеры, выстроившись на торжественной линейке, встречают гостей. Ребята сегодня полновольные, я бы сказал, полномочные и ответственные участники этого торжества. Им, московским пионерам, под персональную опеку, на хранение и воспитание будет отдан парк, который сейчас начнется здесь свою жизнь.

Гостей приглашают приступить к посадке деревьев. Не пальмы и эвкалипты, не смоковницы или баобабы, а русские деревья — березки, буки, клены, дубки и сирень принимают руки скандинавов, гонимые, как из черного леса ваточные, нити дочерей Африки... И тоненькие, нежные деревца, принятые бережными руками, протянутыми нам на дружбу из самых отдаленных уголков мира, осторожно, с легким лишь наметившимся комельком нежных корней погружаются в уготовленные для них ямки. Три тысячи молодых деревьев! А перед главным входом в заложены парк уже хорошо прижились недавно высаженные здесь пять больших лип, между которыми в круглых клумбах, обрамленных легким корзинным плетением, растут цветы, воспроизводящие своими яркими тонами пятизвездную эмблему фестиваля. А в центре, в этом хордовое лип, шумит в набегавшем ветере тяжелая листва восьми-десятилетнего дуба, недавно всережнего с юда, и, несмотря на все трудности, возникающие при пересадке деревьев, стоить почтенного возраста, благополучно назавшего свой новый век. И в промежутке между липами сажают еще пять юных дубков — по дубку от каждого из пяти континентов Земли.

Хлеб идет

УДИВИТЕЛЬНОЕ выдалось нынче лето. Не обыкновенно скоро зреет урожай. Хлебозаводы Москвы, Ленинграда и других городов уже в июле начали выпекать хлеб из пшеницы нового урожая с полей Кубани и Дона. Труженики колхозов и совхозов Краснодарского края к 15 июля — досрочно — первыми в стране завершили уборку колосовых культур и считали в закрома государства восемьдесят миллионов пудов хлеба, в том числе 78,5 миллиона пудов кубанской пшеницы.

Через три дня, на 35 дней раньше, чем в прошлом году, выполнили план хлебозаготовок труженики полей Ростовской области.

Вслед за ними страна подарила нам победу над хлеборобом Чачено-Итушетти, позавчера страну облетела посылка с завершением уборки и досрочном выполнении плана хлебозаготовок колхозами и совхозами Каменской области, а сегодня газетчики рассказывают еще об одной славной победе — досрочном завершении плана хлебозаготовок колхозами и совхозами Ставропольского края.

Уборка урожая сейчас завершена почти по всей стране, — сказал в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» член коллегии Министрства сельского хозяйства СССР Р. Н. Карташев. — Зерновые не созрели пока лишь в Прибалтике, в северных, северо-западных и некоторых центральных и восточных районах Российской Федерации. Однако фронт уборочных работ с каждым днем продвигается все дальше на восток и север. Начинается жатва и на целинах.

Целина... Веками пустовали эти бескрайние, необозримые степи, без пользы пропадали миллионы гектаров плодородной земли. И вот, давно ли, кажется, про-

Литературные проблемы и современность

В ЛИТЕРАТУРНЫХ дискуссиях последних лет особенно много внимания уделялось борьбе против схематизма, упрощенчества в художественном мышлении. С этой проблемой так или иначе были связаны и дискуссии по частным вопросам социалистического реализма. Исключительный интерес к этим проблемам вполне закономерен. Если бы нужны были новые доказательства связи литературы с жизнью страны, то тот факт, что борьба против схематизма оказалась в центре литературных споров, можно было бы считать самым красноречивым доказательством.

Теперь всем ясно, что борьба против догматического, упрощенного подхода к решению жизненных вопросов, догма установка чертой нашей идеологической, политической, хозяйственной жизни. Сознание того, что со схематизмом, субъективизмом должно быть покончено и в литературе и в жизни, объединяет литераторов и читателей. А это единство можно считать надежным залогом действительного успеха.

Однако проблема эта не так проста, как может показаться на первый взгляд. Об этом свидетельствует хотя бы то, что и в самой борьбе против схематизма и упрощенчества мы нередко и схематизировали и упрощали.

Известно, что реализм требует отбора фактов и явлений, группирование их в соответствии с художественной идеей, он имеет целью объяснение их общего и общезначимого смысла. А это вызывает необходимость в определенной мере пренебрегать деталями, подробностями, тем случайным, что не относится к существенному и не является неизбежным спутником последнего. Иначе говоря, художник приходится все-таки «схематизировать». В этом смысле все искусство «схематично». «Схематично» в такой мере, в какой оно — познание и вынуждено отбрасывать предпосылки к тому, в чем полнее обнаруживается истина, и «схематично» потому, что отбирает из многих возможных лишь те штрихи и детали, которые позволяют наиболее эмоционально, наиболее впечатляюще раскрыть художественный образ, художественную идею. Подлинное искусство, тем более дружеское реализма, конечно, не будет возражать против такой «схематизации», ибо в числе их противников могли бы оказаться такие гиганты, как Тургенев, Толстой, Горький.

Если художник берет за основу все подробности, схваченные его глазом, и думает, что действительно описывает все, он проявляет, мягко говоря, самонадеянность. Как бы ни напрягал он зрение, как бы старательно ни воспроизводил то, что видит, ему никогда не удастся увидеть и тем более описать все, что есть в предмете. Люди вообще острее видят то, что хотят видеть, чего требуют их интересы и к чему готовил их весь предшествующий опыт. Тот же, для кого все внешние признаки предмета имеют одинаковое значение, одинаково интересны, рискует оказаться беспомощным, когда речь пойдет о смысле явления. А если не видеть смысла, тогда куда подробностей, пусть самых живописных, так и останется кучей подробностей, но живым явлением искусства не станет.

Но свойство познания отбрасывать от конкретного, свойство, присущее и образному познанию — искусству, является источником определенного противоречия. В искусстве — особенно. Мы можем воспринимать как тип, как явление общего значения, как воплощение высшей художественной истины только такое лицо, которое наиболее категорически утверждает свою индивидуальность. Такова диалектика художественного познания. Когда же персонажи произведения лишают-

Члены делегации Канады — будущая артистка Элеонор Бетти и архитектор Артур Фламер твердо уверены, что их дерево вырастет большим.

чу злодейству Макбета. Сады и парки, леса Дружбы, смыкая зелень, существуют ныне все шире по земле, чтобы преградить пути войнам.

Зеленым шумом назвал наш народ молодое цветение весны, дружное наступление ее зелени. Кончатся дни фестивалей, уедут гости, снимут флаги с праздничного мата Москвы. Но всегда зеленый шум молодого парка в Химках будет напоминать нам о первом, многоцветном, молодом шуме, который наполнил летом 1957 года улицы Москвы и наши сердца!

Лев КАСИЛЬ

Строители — это мы!

ВРяд ли найдется в нашей стране человек, который бы буквально от строки до строки, с карандашом в руках для подчеркивания и подсчетов, не считываясь бы, не изучая с глубокой заинтересованностью опубликованное вчера Постановлением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР о развитии жилищного строительства в Советском Союзе.

Самое замечательное в этом документе то, что он весь как бы озарен внутренним светом и теплом, что от каждого слова и каждой цифры веет дыханием высокого гуманизма советского строя. Поражает в этом документе не только гигантский размах строительства, не только великолепный стратегический замысел развертывания строительства, но и тактические, конкретные решения этого замысла.

Покончить в ближайшие 10 — 12 лет с недостатком жилищ в стране — задача благородная, вдохновляющая задача. А как она будет осуществлена, каковы решения этой задачи — исчерпывающий ответ на этот вопрос можно найти тут же в тексте Постановления. При этом, читаясь в него, зримо, отчетливо представляешь себе и технику, индустрию строительства, и облик дома, в котором скоро будешь жить, и детали бытового благоустройства. Ведь в Постановлении даны прямые указания и о производстве различных видов так строительных деталей, от которых зависит наш бытовое удобство.

И еще хочется сказать об одном замечательном ощущении, которое переживает каждый советский человек, изучающий этот документ: независимо от своей профессии, он сам себе считает строителем не в первоначальном смысле, а в самом прямом: да, не только государство, но и он сам, если захочет, может строить свой дом, ему дадут для этого и материалы, и средства, и технику. В Постановлении имеются почти рабочие и служащих промышленных предприятий и организаций города Горького и ряда других городов по строительству жилых домов собственными силами, как начало всенародного движения за скорейшее улучшение жилищных условий, как пример высокой социалистической сознательности. Прямую и активную поддержку получили и строители жилых домов в колхозах силами колхозников и сельской интеллигенции. Так что широко распространенное у нас образное выражение

«народ-строитель» приобретает еще более многогранное и глубокое значение.

Побывали вчера мы в главном штабе строительства и архитектуры СССР, в строении так праздничном. По всем кабинатам раздаются телефонные звонки, и любой деловой разговор начинается с приветствия!

«Поздравляем вас!»

Эти же приветствия слышны и при встречах сослуживцев, посетителей. Постигают эти дни — праздник строителя, накануне, кстати сказать, Дня строителя, который страна отметит 11 августа.

Все утро в кабинете члена президиума Академии строительства и архитектуры и директора Научно-исследовательского института жилищного строительства В. Рубаненко идет горячее обсуждение неотложных и конкретных дел для осуществления огромной строительной программы. Наконец-то, удается найти время и для интервью.

— Гарантия все возрастающих темпов жилищного строительства, — говорит В. Рубаненко, — прежде всего в разном увеличении производства строительных материалов и технической оснастки. Во-вторых — сильное, небывало сильное развитие стандартного и крупноплощного строительства. Третье — это инициатива мест, ей уделяется в Постановлении очень серьезное место. И, наконец, четвертая важная гарантия — помощь, оказываемая индивидуальному строительству.

— Мне хочется еще обратиться к вам, внимание, — продолжает он, — на тот параграф документа, где говорится о том, что начиная с 1958 года в жилых домах, строящихся как в городе, так и в сельской местности, будут предусматриваться экономичные, благоустроенные квартиры для заселения их одной семьей. Над этим мы с увеличением работаем. Уже есть проекты небольших квартир на одну семью. Типовые проекты утверждены, но улучшить их мы будем. Пространство упорная борьба за качество строится жилья. В общем, работы много, работы творческой, уникальной! И не только для нас, специалистов. Жилищное строительство стало теперь всенародным делом.

И это действительно так. На любом предприятии, в любом колхозе опубликованном вчера Постановлении вызвало глубокий, взволнованный и деловой отклик. На строительных леса дружно поднимаются миллионы советских людей,

увидел и отобразил то, что было скрыто от массы современников и участников событий того времени или что считалось ими тогда второстепенным... горячую мечту о расцвете степного края, о том, чтобы напоить родную землю водой. И не только мечту, но и неутомимые поиски и легендарный труд для того, чтобы осуществить ее, увидел писатель в предреволюционной Таврии. Он почувствовал и показал, что эта мечта... она страдала в помещичьих экономках, кто выхлудил на первые схватки с хозяевами, завешали вам заботиться о судьбе края, перепадали в наследство нам, советским людям, его богатство и красоту. Нетрудно заметить, как отразился на романе о прошлом наша современность — растущий интерес социалистического общества к преобразованию природы степи, к освоению сокровищницы Юга. Это, разумеется, не произошло в отношении к прошлому. Писатель показал то, что было, но что то поры до времени оставалось вне насущных интересов читателей.

САМО по себе стремление к современности материала, как показывает опыт, никогда не было ни причиной художественных неудач, ни источником успехов писателя. Но современность взгляда на действительность, мысли о том, какой должна она быть, современность идеала жизни и остаются непременным условием жизни и развития любой литературы. Непременно современность — еще не значит написать современное произведение. Надо, чтобы оно было и произведением для современника, чтобы действительность отражалась в нем с точки зрения современности, чтобы оно обогащало наше понимание жизни. Интересы читателя, художественные взгляды общества самым определенным и ясным образом, самым депотическим образом выносятся в литературу, подсказывают ей темы и диктуют общественное решение их.

Правда, некоторым кажется, будто она, каждая из них, является законодательными влуксов. Подобные иллюзии замечаются и за логическим мышлением: достигнув более или менее ошутительных результатов, оно воображает, будто не из действительности берет свои законы, а само вносит «порядок» в ее «хаос». Высшей математике неумудрено забыть, что она берет свое начало от пяти пальцев. Но это ведь так! У искусства же не меньшее, пожалуй, больше, чем у других форм познания, оснований воображения, будто оно не зависит от внешнего мира, будто оно само — мир. Ведь ему доступны, кажется, безграничные просторы фантазии. Но так ли уж безграничны? Бог черных, говорил Иван Франко, был черней, бог людей — был людоедом, а воров — воров был. Фантазия ничего не создала такого, чего не могла создать из того, что видел и знает человек.

Иные думают, что от схематизма может предостерегать литературу так называемое критическое направление. Как будто это дело в «чрезмерном» интересе литературы к новому, положительному! Невверно и несправедливо это по отношению к действительности, неверно и бесплодно это по отношению к искусству. И главное — эта крайность сама по себе сплошь схематического мышления. Покончить с легкомысленным отношением к сложности жизни — с этим уже согласился все. Но нельзя забывать, что легкомыслие, поверхностность проявляются не только там, где старательно рисуют этакое розовощекое благодеяние, но и там, где теряют из виду подлинную красоту жизни и не видят никаких иных ее красок, кроме черной.

(Окончание на 3-й стр.)

(Письмо в редакцию
«Литературной газеты»)
С особым волнением, горечью и возму-
щением встретили мы — старые больше-
вики-писатели — попытку группы Ма-
ленкова, Молотова, Кагановича и при-
мкнувшего к ним Шенилова поколебать
единство нашей партии.
Эти люди оторвались от жизни, пере-
стали жить интересами народа, зазна-
лись и превратившись в догматиков и
начетчиков, отошли от вечного учения
Ленина. Они пытались повернуть
партию назад, пытались ошельмовать и
защекотать всю ту огромную работу, ко-
торая бесстрашно проделала партия и ее
ЦК после XX съезда.
Ослепленные расколотыми не поняли и
не видели, что решения XX съезда под-
держал весь народ, они не учли могучей
коллективной силы ленинского Централь-
ного Комитета партии.
Нас особенно возмущает, что расколь-
ники пытались спекулировать и на вопро-
сах литературы.
Наша литература всегда была бором
за линию партии и мы заявляем и сей-
час, что решения XX съезда определяют
дальнейший путь развития нашей лите-
ратуры и никому не удастся догматиче-
скими измышлениями и бесовской дема-
гогией вернуть нас к вчерашнему дню.
Мы заявляем, что отрав советских пи-
сателей беззастенчиво предан партии, по-
сле того как Ленинский Центральный
Комитет и напряжением всех творческих
сил будет помогать партии в ее огромной
и трудной работе.
Да здравствует наша любимая ленин-
ская партия и ее Центральный Комитет!

Соколов В. Н., член КПСС с 1898 г.,
Бляхин П. А., член КПСС с 1903 г.,
Соколова Е. Д., член КПСС с 1903 г.,
Зеленский В. И., член КПСС с 1906 г.,
Поморский А. И., член КПСС с 1909 г.,
Бахметьев В. М., член КПСС с 1909 г.,
Игнатов П. К., член КПСС с 1913 г.,
Усвяцкий Е. Ф., член КПСС с 1915 г.,
Безмясников А. И., член КПСС с
1916 г., Антонова-Чайла З. А., член
КПСС с 1917 г., Бахметьева М. Ф.,
член КПСС с 1917 г., Быль-Белопо-
люцкий В. Н., член КПСС с 1917 г.,
Садовский А. А., член КПСС с 1917 г.,
Савиников Г. А., член КПСС с 1917 г.,
Артунский Л. А., член КПСС с
1918 г., Вагромов Ф. А., член КПСС с
1918 г., Дубинский И. В., член КПСС
с 1918 г., Замойский П. И., член КПСС
с 1918 г., Исаев В. П., член КПСС
с 1918 г., Исаковский М. В., член
КПСС с 1918 г., Кирпоти В. Я., член
КПСС с 1918 г., Лысков Г. М., член
КПСС с 1918 г., Литовский О. С., член
КПСС с 1918 г., Родов С. А., член
КПСС с 1918 г., Субботин А. А., член
КПСС с 1918 г., Цвиоцкий Л. Я.,
член КПСС с 1918 г., Корнев Г. Е.,
член КПСС с 1919 г., Лещинский Н. Е.,
член КПСС с 1919 г., Макарян И. С.,
член КПСС с 1919 г., Макарян Я. М.,
член КПСС с 1919 г., Раян Н. А.,
член КПСС с 1919 г., Ривес Я. Ю.,
член КПСС с 1919 г., Серебряко-
ва Г. О., член КПСС с 1919 г., Су-
боцкий Л. М., член КПСС с 1919 г.,
Шипачев С. П., член КПСС с 1919 г.,
Френкель И. Л., член КПСС с 1919 г.,
Аршаруян А. М., член КПСС с 1920 г.,
Гладков Ф. В., член КПСС с 1920 г.,
Гус М. С., член КПСС с 1920 г.,
Ерухимович И. И., член КПСС с
1920 г., Жаров А. А., член КПСС с
1920 г., Изаков Б. Р., член КПСС с
1920 г., Лизин Л. И., член КПСС с
1920 г., Левин Ф. М., член КПСС с
1920 г., Либидинский Ю. Н., член
КПСС с 1920 г., Майоровский Л. М.,
член КПСС с 1920 г., Млечин В. М.,
член КПСС с 1920 г., Турчанович Ф. Б.,
член КПСС с 1920 г., Чарный М. Е.,
член КПСС с 1920 г., Шаповалов-Ова-
лов Л. С., член КПСС с 1920 г.

Награждение М. П. Слонимского
орденом Трудового Красного
Знамени

В связи с шестидесятилетием со дня
рождения и за заслуги в развитии совет-
ской литературы, Президиум Верховного
Совета СССР награждает писателя Слоним-
ского Михаила Леонидовича орденом Тру-
дового Красного Знамени.
С. МАРВИЧ

ПРИГОРОДНЫЙ поезд.
Переполненный вагон
третьего класса. Пасса-
жиры на подножках, на кры-
ше. В углу сидит Серго Орджо-
нидзе. Рядом с Захаровым —
молодой рабочий. Он дергает гар-
монь «саратовку».
В углу беседует два дачника.
Они помахивают сложными
газетами.
— Есть доказательство? Под-
водная лодка ночью пристала к
Выборгу. И он бежал.
— Да ну?
— Факт. Сбежал и бросил их,
как баранов.
— Кто это бараны? — спра-
шивает старый рабочий.
— Кто бараны, спрашиваю?
— А я не с вами говорил, лю-
безный.
— А я вступаю в разговор.
Едешь в моем вагоне, так отве-
чай.
— В твоём вагоне?
— Ну да. Я его строил, а не ты.
Дачник вскрипел:
— Ты строишь? Да тебе цена
полтора целковых в день.
— Это сегодня полтора цел-
ковых. А завтра ты у меня бу-
дешь служить. Отвечай, кто ба-
раны и кто сбежал на твоей под-
водной лодке?
— Бараны — вы, идиотская
гвардия! — выпаливает дачник.
Сосед испуганно танет его за
рукав.
Старый рабочий встает, акку-
ратно складывает свою газету и
несколько раз лениво стукнет
его дачника по носу.
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
2 3 августа 1957 г. № 93

ПРИМЕТЫ НОВОГО СТИЛЯ

СОВНАРХОЗУ Сталинского экономи-
ческого района повезло. При сво-
ем рождении он получил в пода-
рок роскошный дом с внушительной ко-
лоннадой и грайтным покосом, отсюда
которого только сейчас заканчивается.
Дом построен с помощью министерских
размахом, да и предназначался он, соб-
ственно, для Министерства угольной
промышленности СССР.
Новое министерство просуществовало
недолго, и сейчас в его здании поселился
Совет народного хозяйства со своими у-
правлениями, осуществляющими руково-
дство мощной промышленностью.
В ведении совнархоза свыше четырёх-
сот крупных предприятий: шахты, метал-
лургические комбинаты, электростанции,
химические и машиностроительные заво-
ды, десятки строительных трестов. Все
они производят примерно столько же про-
дукции, сколько предприятия двух-трех
союзных промышленных министерств. И
еще одна справка: Сталинский экономиче-
ский район — один из 105 в СССР —
вышел на четвертое место в мире по
добыче угля, уступаая лишь США, Англии
и ФРГ, а по выплавке чугуна уже
обогнал Японию, Италию и Бельгию.
В доме с колоннами, в его многочис-
ленных кабинетах, вы встретите бывших
работников предприятий, главков и ми-
нистерств. Управление металлургической
промышленности возглавляет, например,
бывший директор завода Я. Куликов; за-
меститель председателя совнархоза по
угольным делам М. Нирыев — в недав-
нем прошлом заместитель министра уголь-
ной промышленности Украины, а пред-
седатель совнархоза И. Дядик в про-
должение нескольких лет избирался се-
кретарем Сталинского областного коми-
тета партии.
В аппарате совнархоза есть химик,
машиностроитель, металлург, угольщик,
строители, работники мясо-молочной
и легкой промышленности. Они долгие
годы работали, разделенные ведомствен-
ными перегородками, став часто ведом-
ственные интересы выше всего. Но вот сло-
маны, наконец, эти перегородки. Работ-
ники разных ведомств собрались воедино.
Они, естественно, присматриваются друг
к другу. В их работе еще ощущается «ве-
домственная угловатость», но эти углы
начинают стираться...
Совнархоз молод, но уже на первом за-
седании совета, состоявшемся в середине
июля, обнаружилось, какие богатые ресурсы
силы у «новорожденного». В повестке дня
заседания, в самом ее конце, стоял в ви-
ду малозначимый вопрос об экономии
древесины. Сколько раз ставился он в Дон-
бассе — не перечесть!
Потребление леса в Донбассе огромное.
Лес идет на крепки для шахт, во все
возрастающее количество требуют его строи-
тели промышленных предприятий и жи-
лищ. Используется, однако, лес неэкono-
мно: в Донбассе ежегодно накапливалось
500 тысяч кубометров отходов древеси-
ны — опилки и деревянные чурки, ко-
торые зачастую пропадали. Группа энту-
зиастов, один из которых, Т. Георгиев-
ский, ныне работник совнархоза, много
лет подряд предлагала пресовать из
древесных отходов кубики для полов,
оконные рамы, двери. Они даже органи-
зовали своими силами небольшое опытное
производство.
Идея казалась заманчивой, ею увлека-
лись, но когда узнавали, что для ее осу-
ществления нужны прессы, химические
материалы, оборудование, то сразу же
оставляли и лишь в лучшем случае на-
правляли докладные записки «вверх» —
в Госплан, а там их следы пропадали,
как следы корабля в море.
И вот совнархоз занимается этим во-
просом. Лица многих участников заседа-
ния выражают острое недоумение:
опять лавочный и бесполодный разговор
об опилках, как будто нет сейчас более
важных дел. Нет, оказывается, совнархоз
не собирается «ставить вопрос», — он
кардинально решает его. Один пресс уже
установлен, и вот его продукция — дере-
вянные кубики для настла полов. Инже-
неры с любопытством осматривают кубики.
Выяснилось, что на предприятиях
экономического района есть пресовое
оборудование, есть и необходимые хими-
каты. Есть возможность организовать
массовое производство строительных де-
талей из древесных отходов.
Председатель совнархоза И. Дядик
предлагает немедленно превратить сжи-
гать отходы древесины, создать склады
для их хранения, заменить в ближайше

И. БЕЛОВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»
время доски для настла полов пресован-
ными кубиками...
Так на одном частном примере про-
явился новый стиль руководства совнар-
хоза!
Без провозочек, быстро и рачительно
переданы совнархозом 60 прежде бездей-
ствующих машин с одного предприятия
другим, где в них остро нуждаются.
Работа совнархоза определяет широту
и глубину нового, внесенного реорганиза-
цией управления промышленности в на-
шу жизнь. Новые формы управления вы-
зывают коренную ломку психологии людей,
требуют формирования нового стиля
работы Совета народного хозяйства.
На металлургическом заводе имени Ста-
лина был свой ковочный цех. В свое время
его торжественно переименовали в са-
мостоятельный завод со своим директором,
заместителем директора, секретарями,
хотя никаких существенных изменений
на самом производстве не произошло. Как
и раньше, когда завод был только цехом,
его продукция целиком поощащала ста-
линскими денежными. Целесообразно ли
и впредь сохранять за бывшим цехом ста-
тус завода?
Начальник управления металлургиче-
ской промышленности совнархоза Я. Ку-
ликов, будучи в недавнем прошлом дирек-
тором завода, а потом начальником метал-
лургического главка, безусловно, подде-
ржал бы тогда предложение «своего» за-
вода, но сегодня он оценивает предложение
уже не как «ведомственное», а как член
совнархоза, кровно заинтересованный в
развитии экономического района в целом,
и возражает против реорганизации.
— Нельзя потворствовать узковедом-
ственным интересам, — говорит мне в
совнархозе. — Металлурги смотрят на
коковскую установку только как на источ-
ник получения кокса, между тем на пра-
вильно организованных коковских заво-
дах кокс должен быть лишь отходом;
угольный газ, образующийся при коксо-
вании, содержит в себе десятки, сотни
ценнейших химических продуктов. Будут
ли металлурги заботиться о развитии хи-
мии? Мало вероятно. Поэтому совнархоз
решил организовать специальный трест
по переработке угля, в который войдут
также и коковские заводы. Производство
кокса будет сочетаться с бурным разви-
тием химии.
Не все люди, надо признаться, так быстро
и легко отвыкают от старых привычек,
от старого стиля работы. Председатель
совнархоза рассказывает мне о
первых конфликтах и столкновениях стар-
ого стиля с новым.
Начальник угольного комбината, даю-
щего 10 процентов общесоюзной добычи
угля, жалуется на недостаток крепящего
леса. Совнархоз, проверив жалобу, дал
указание, как экономить лес, и одновременно
принял меры для ускорения от-
грузки крепежа. И вдруг после того, как
меры были приняты, совнархоз получает
телеграмму на двух страницах большого
формата. Откуда телеграмма? Оказывается,
от того же руководителя угольного
комбината. Он вновь подробно излагает
свою жалобу: нет леса. Зачем он послал
телеграмму? А так, на всякий случай.
Пусть останется документик: «Я, мол,
сигнализировал; все, что мог, сделал».
Директору комбината пришлось оплат-
ить стоимость телеграммы из личных
денег.
Много неприятное был разговор по дру-
гому, более принципиальному поводу.
Перед Советом стоит начальник одного из
крупнейших шахтостроительных ком-
бинатов. Его спрашивают: когда же он
представит наметки плана строительства
шахт и жилищ на 1958 год?
Лицо начальника комбината выражает
недоумение. Он явно обескуражен. Какой
такой план, ведь «сверху» от Госплана
нет еще никаких наметок! Чего ж, мол,
переводить из пустого в порожнее?
Сверху! Шахтостроительный комбинат,
в котором идет речь, — крупнейший в
стране. Он выполняет заказы только о-
дного потребителя — угольного комбината.
Это солидный заказчик! И никто не ме-
шает сейчас строителям и заказчику
встретиться без чьего-либо посредни-
чества и обсудить, что нужно по-
строить в 1958 году, наметить перво-
очередные строительные объекты и
высказать свои соображения совнар-

хозу и Госплану, разрабатывающим
народнохозяйственный план на 1958 год.
Так нет же, начальники комбината жд-
ят директив сверху. Ни чего, мол, от меня
не зависит.
— А как фамилии начальников ком-
бинатов? — спрашиваю я председателя
совнархоза. И. Дядик задумывается.
Не стоит, пожалуй, упоминать их фа-
милии, — говорит он. — Людям еще многое
нужно понять, и не следует их дергать.
Я записываю и эти слова, как прояв-
ление нового стиля в руководстве.
На первом заседании совнархоза обсу-
ждался жизненно важный для экономиче-
ского района вопрос о строительстве
канала Северный Донец — Донбасс, по ко-
торому уже к ноябрьским дням нынешнего
года хлынут в Донбасс (пока только до
Горловки, а затем уже и до самого Стали-
но) обильные воды Дона.
Начальник Донбассканалстроя Звени-
городский направил в совнархоз записку,
в которой перечислил острые нужды
строителей канала и их требования. На
заседании выяснилось, что требования
эти обоснованы и могут быть удовлетво-
рены силами экономического района.
И вдруг в центре обсуждения стал не
канал, а «бумажка» — докладная запис-
ка начальника Донбассканалстроя. По-
пала она первоначально в управление
строительства, а отсюда, «по старинке»,
направил ее для согласования всем
управлениям и отделам совнархоза, в ко-
торых были предъявлены требования.
Записка украсилась коллекцией надписей
и резолюций.
И вот злополучная докладная записка,
испещренная резолюциями, демонстри-
руется всем участникам заседания. Хоро-
ша? Больше двух недель, оказывается,
ушло на сбор резолюций, а канал нуж-
дается в это время в срочной помощи...
И в повестку дня стихийно врывается
вопрос о стиле работы совнархоза.
Совет принял решение: категорически
запретить переписку между управлениями
совнархоза, а зачинщиков такой пере-
писки строго наказывать.
Страстно, энергично выступают руко-
водители совнархоза против извещенной
переписки, волокиты, или, как говорят на
Украине, «тяганыны» в своем аппарате.
Так складывается новый стиль руково-
дства. Но чтобы он утвердился, необходима
борьба на более широком фронте. Я по-
думал об этом, когда просмотривший днев-
ную почту, поступившую в адрес совнар-
хоза. Почти 70 процентов телеграмм и
письем — это сигналы потребителей из
других экономических районов: они тре-
буют немедленной отгрузки угля, метал-
ла, шлат телеграммы в разные адреса...
Прекратить поток этой переписки мож-
но лишь одним путем: необходимо уста-
новить жесткую дисциплину — в выпол-
нении обязательств всех предприятий
совнархоза перед своими потребителями,
научить всех работников промышлен-
ности экономического района работать по-
новому.
Привлечение широкого актива — при-
метельная черта нового стиля. Я был
на заседании технико-экономического
совета и увидел среди собравшихся видней-
ших ученых, прославленных конструктор-
ов, инженеров, новаторов производства
— трех промышленной армии Донбасса.
Проф. Д. Обгоблин, выступая, выразил
общее настроение: ученые Донбасса не
намерены быть «свадебными генералами»
— они требуют активного привлече-
ния их к разработке технико-экономи-
ческих проблем района. И это — глав-
ное. Совет создал секции, в которые и
вошел актив для кипучей работы.
Я вышел с заседания технико-эконо-
мического совета с одним старым своим
знакомым, донецким инженером, неутомимым
в продолжение многих лет деятелем
научно-технической общественности.
— Новый стиль! — zvolованно ска-
зал он. — Вы подсчитайте, какой может
быть у нас актив технико-экономического
совета: тысячи и десятки тысяч! Вот в
свое время научно-технические общества
разрабатывали сложнейшие вопросы ме-
ждоотраслевого кооперирования, специа-
лизации. Но почему все это загложло?
Да потому, что предложения их уходило
куда-то в неизвестное, потому, что трудно
было отстоя, снизу, пробивать ведом-
ственные перегородки. А теперь?.. Теперь
совсем другое. Вы слышали, как решали
вопрос об использовании отходов древеси-
ны? Правда, здорово? Теперь отбоя не бу-
дет предложениям.
сталино

БЕЛЕТОН Как я писал

приключенческую повесть

ИЗ ГОРЕСТНЫХ ВОСПОМИНИЙ
ОБЫЧНО литераторы не любят рас-
сказывать о процессе создания
своих книг. На вопросы любоз-
нательных читателей они отвечают туманно
и многосложно:
— Знаете ли, все это очень сложно.
Трудно, знаете ли, вот так сразу, в не-
скольких словах...
Да простят меня соратники по ремеслу,
но я с большой охотой расскажу о том,
как писал приключенческую повесть —
первую в своей жизни и, к счастью для
читателей, кажется, последнюю...
Было это в мае 1945 года. Война
кончилась, и армия, в которой я служил,
находясь какое-то время на рубеже,
занятом ею 9 мая, то есть на терри-
тории одного европейского государства.
Солдаты отдыхали. Отдыхали и мы,
сотрудники армейской газеты. Отдыхали,
правила, но все. На третий день после войны
меня вызвал к себе редактор и объя-
вил:
— Войска на отдыхе. Выша закладывать...
Он сказал это таким тоном, каким
обычно командиры дают «водные» на
важных тактических учениях. Обескура-
женный, я молчал. Впрочем, редактор и не
нуждался в моем немедленном ответе,
потому что тотчас же сам поставил пе-
редо мной боевую задачу:
— Срочно требуется читабельный ма-
териал. Нужна приключенческая повесть.
С продолжением на десять номеров. По-
три колонки в каждом номере. Немедлен-
но приступайте к работе! И чтобы через
два часа первый кусок был у меня на
столе. Ясно?
— Ясно, товарищ подполковник. Но...
— Никаких «но»! Вы какую должность
занимаете в редакции?
— Писатель... — робко пробормотал я.
— Так в чем же дело? Вам, как гово-
рится, и карты в руки.
— Однако, видя мою крайнюю растерян-
ность, редактор счел необходимым сде-
лать некоторые предварительные указа-
ния:
— Я знаю, вы любите всякие там пей-
зажи. Так вот: в приключенческой пове-
сти они ни к чему. Динамика, динамика
и еще раз динамика!
— А как же с характерами?..
— Характер проявляется в действиях.
Ясно?
— Теперь, после столь исчерпывающих
указаний, конечно же, все было ясно.
На какую тему должна быть повесть,
редактор не говорил. Но это и так было
понятно: немецкий шпион — с одной
стороны, наш разведчик — с другой. Вот
главные действующие лица моего буду-
щего произведения. Над заголовком тоже
не пришлось долго ломать голову. Сам
собой возникло слово: «По следам... вол-
ка». Теперь нужно было только придум-
ать: какого волка? Может, «фашистско-
го»? Банально! Нет, надо идти от самого
героя — от шпиона, от его клички, —
ведь должен же шпион иметь свою кличку!
И вот окончательное название пове-
сти:
«По следам «меченого
волка»
Помнится, что все шпионы из извест-
ных мне детективов имели какую-нибудь
отметку на своем челе. Почему же моему
шпиону не иметь такой отметки?
Короче говоря, небольшая часть дела
сделана, и можно было приступать к первой
главе. В самом последнюю минуту я,
однако, вспомнил, что ни одна приклю-
ченческая повесть не выходит из
приключенческой повести не выходя
без пролога. Стало быть, надо написать
с пролога. Но еще раньше требовалось
все-таки дать имена своим положитель-
ному и отрицательному героям.
«АНКАНОВ!» — вспыхнуло в мозгу,
когда я подумал о нашем разведчике, ко-
торому судилое изловить вражеского ла-
зутчика. «АНКА-вон»... великолепная
ассоциация! «Меченого же волка» я прямоты
приволодил к позорному столбу, дав
ему фамилию «Гроссвайна» — Большая
свинья!
Итак, сержант Анканов и барон фон
Гроссвайна заняли свои позиции, чтобы
вступить в единоборство. А через час был
готов уже и пролог. Привожу его по-
 полностью:
«Пролог»
Анканов был удивлен. Здесь, в немецком
блиндаже, разведчик, естественно,
ожидал встретить немецких солдат. А
перед ним стоял довольно уже пожилой
человек в штатском с глубоким шрамом
на левой щеке. Незнакомце тоже был
ошеломлен неожиданным появлением
советского разведчика.
Их взгляды встретились. Рука челове-
ка в штатском потянулось было к лежа-
щему на столе маузеру. Но в тот же миг
он увидел наставленный на него автомат
Анканова.
Разведчик сделал шаг к человеку со
шрамом, но чьи-то руки свхватили его за
плечи. Анканов упал, успев нажать на
спусковую кнопку автомата. За дверью
поднялся топот ног. Анканов сделал
успех, повернул голову к выходу и уви-
дел спешивших к нему на помощь раз-
ведчиков. В ту же минуту человек со
шрамом резким движением руки бросил
на землю стоявшую на столе свечу.
Борьба в темноте закончилась быстро.
Анканов почувствовал, как руки, держа-
вшие его, разжались. Он вскочил на
ноги и, вынув из кармана электрический
фонарик, осветил блиндаж. Разведчики
связывали руки немецкому унтер-офицеру,
по рту которого уже торчал клин.
Однако не это сейчас интересовало Анканова.
Луч его фонарика заскользил по
углам. Но в блиндаже, кроме товарищей
Анканова и связанного немца, никого не
было.
Человек со шрамом исчез.
Перечитав раз и два написанное, я
вновь отправился в кабинет редактора.
— Короче. Оставьте в покое. А
сейчас вам придется выходить в часть.
Я покинул редакцию в полной уверен-
ности, что мое сочинение будет забрако-
вано уже у самых его истоков, и, при-
знаться, очень хотел этого, потому что
решил, что не так уж трудно сделать
решительно не знал, что делать дальше
со своим героем. Но на другой день в
длинную, куда я был командирован, пришла
газета, и на второй ее полосе
над крупным клишированным заголовком
стояла моя фамилия. И после слова «Че-
ловек со шрамом исчез» значилось:
«Продолжение следует».
Не успел я прочесть своего пролога,
как из редакции позвонили и призывали
меня немедленно возвращаться. Очевидно,
редактор вовремя сообразил, что ника-
кого продолжения повести не последует,
если автора ее не вызвать в срочном
порядке и не усадить за письменный стол.
С того дня меня поставили на особый
режим.
Я сидел в своей комнате денно и
нощно. И писал, писал, писал... Еду при-
носили мне из столовой прямо в комна-
ту. Машина сама приехала за оригиналом,
выхватывая из-под моего пера
страницу за страницей. Копиретки я не
брал, копии не оставал — не до того!
«Динамика, динамика и еще раз динамика!»
— лозунг этот, выданный редак-
тором, подхлещивал не только моих ге-
роев, но и меня.
Человек со шрамом исчез. Следовательно,
его надо найти и обезвредить, найти
то, что бы то ни стало. Ведь редактор не
случайно внес поправку в первоначаль-
ный заголовок повести. Теперь она назы-
валась «Конец «Меченого волка». А вот
конца-то как раз и не было видно. На-
чала я направлял стопы своего главного
положительного героя сержанта Анканова
к дому лесника, памятуя, что все
шпионы и лазутчики, памятуя, что все
шпионы в домике лесника. На том сидел
древний старикашка, вполне похожий
на барона фон Гроссвайна. И тем не
менее я сумел-таки заронить в сердце
читателя подозрение к этому борозду: ведь
шпион может принять любую личину. Но
Анканов не мог арестовать старикашка
«за отсутствием явных улик». И разведчик
долго еще блуждал со своим по-
мошником по ложным следам.
Не сидел сложа руки и «Меченой
волк», он же барон фон Гроссвайна, он же
старый лесник. Оказавшись, знаменитый
гитлеровский разведчик получив задание
проникнуть в наше расположение и
уничтожить такого же знаменитого
советского разведчика сержанта Анканова.
Обостряя и усложняя сюжет, я в конце
концов так запутался, что уже не знал,
кто кого ловит, — как говорится, «все
сместалось в доме Облонских»...
Конца по-прежнему не я видел. И,
наверное, появилось бы еще с полдюжины
трехсотлеников с интригующей припиской
«продолжение следует», если бы не вы-
ручил один солдат — читатель газеты.
Он, очевидно, занимал более выгодную
позицию, чем я, и мог более трезвым
взглядом оценить шансы «борющихся
сторон». Похоже, он давно уже приме-
тил, что зря автор так долго мучается
и мучает своего героя, и поэтому дал
добрый, но, к сожалению, несколько запоз-
далый совет:
«Да возьмите вы двух-трех автоматиче-
ских, окружите злополучный домик лесника,
и шпион будет в ваших руках. Только
и делов!»
Я так и сделал. Но тут же понял, что
мог это сделать уже в первой главе...
* * *
Вот, собственно, и вся история. Дела,
как видите, давние, и рассказав я о них,
как кающийся грешник, в надежде на то,
что мой печальный опыт пойдет на пользу
некоторым авторам приключенческих книг.
Мих. АЛЕКСЕЕВ

ПОСЛЕДНЕЕ

ПОДПОЛЬЕ
— Запомни, дачная гвардия!
Через подпол, самое большее,
Ленин будет председателем правитель-
ства. А твоему Александру
четвертому, то есть господну
Керенскому, — гроб с панихойдой.
Поезд замедляет ход. Дачник
рванулся к окну.
— Патруль, сюда! Патруль!
Держи большевика! Патруль!
— Да ну?
— Факт. Сбежал и бросил их,
как баранов.
— Кто это бараны? — спра-
шивает старый рабочий.
— Кто бараны, спрашиваю?
— А я не с вами говорил, лю-
безный.
— А я вступаю в разговор.
Едешь в моем вагоне, так отве-
чай.
— В твоём вагоне?
— Ну да. Я его строил, а не ты.
Дачник вскрипел:
— Ты строишь? Да тебе цена
полтора целковых в день.
— Это сегодня полтора цел-
ковых. А завтра ты у меня бу-
дешь служить. Отвечай, кто ба-
раны и кто сбежал на твоей под-
водной лодке?
— Бараны — вы, идиотская
гвардия! — выпаливает дачник.
Сосед испуганно танет его за
рукав.
Старый рабочий встает, акку-
ратно складывает свою газету и
несколько раз лениво стукнет
его дачника по носу.
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
2 3 августа 1957 г. № 93

БЕРЕГ озера. Шалаш. Воз-
ле него острогом
пень. Подальше — высо-
кий стог сена. Ленин и Пе-
тя, мальчик лет двенадцати,
наклонились над мойкой К шалашу
прислонены удочки. Петя за-
глядывает в ведро, считает:
— Две щуки, плотвы десяток,
четыре окуня.
Ленин. Да, Петя, у нас удач-
ный день. Окуни-то какие! Тем-
ные. Лучшие окуни. Итак, пере-
водим их в ямку. Тут ведр десять
ведь воды надо. Нальвай.
Петя. Дядя Костя... Вода
уйдет из ямы.
Ленин. Не уйдет. Я еще вчера
еще глиной обмазал. Вот в ней-то
и будем рыбные запасы держать.
Щук неси домой.
Ленин называет рыбу на ве-
ревку, передает ее Пете. Петя
уходит. Ленин садится на пенёк,
достает тетрадь, делает в ней по-
метку. Петя возвращается.
Петя. Дядя Костя... Констан-
тин Петрович!
Ленин. А? Что? Что тебе,
Петя?
Петя. Константин Петрович, я
одну щуку выменяю на крючки.
Ленин (не отрываясь от тетра-
ди). А? Какие крючки? Какие
крючки?
Петя. У лавочника есть. Ан-
глийские... Ни одна рыба не
сорвется.
Ленин. Гм... Но у нас с тобой
еще не срывалось.
Петя. А шуренок вчера?
Ленин. Шуренок вчера? Да. Но
это потому, что я потрошил его
рано после. Нет, нет, не меняй.
— Он снова берется за тетрадь.
Петя уходит.
Показывает Серго.
Серго. Здравствуйте, Влади-
мир Ильич.
Ленин. Здравствуйте, здравст-
вуйте, товарищ Серго. Как до-
ехали? Как поживаете?
Серго. Отлично.
Ленин. Рад слышать. Люблю,
когда все довольны.
Серго. А вот юный рыболов
ушел от вас недовольный.
Ленин. А... Да. Я не утвердил
проект казальной сделки с по-
средником английского капитала.
Садитесь. Вот удобный пенёк.
Острога для гостей.
Серго (садится). Привез вам
привет от товарищей, от всех
близких. И книгу, которую вы
просили разыскать. (Протягивает
Ленину книгу).
Ленин. А... Письма Маркса
Кугельману. Да, это мне нужно
для работы. Большое спасибо. А
как с материалами, которые я
просил собрать?
Серго. Самые полные собраны
на Выборгской стороне.
Ленин. Свердлов собирал?
Серго. Да, такие данные имею-
тся.
Ленин. Что на Путиловском?
Серго. В июле вдвое меньше
привезли лома, чугуна.
Ленин. На Обуховском?
Серго. Марши остановились.
Инженеры не бывают в цехах.
Ленин. Словом, производсто

всюду сокращается. И рабочие,
конечно, чувствуют, что это де-
лается с умыслом. Они ждут от-
вета. Мы дадим этот ответ. У
капитализма есть свой план. Они
готовят гибель страны. Все эти
продажи заводов, анонимные ком-
пании, темные спекуляции несут
стране хаос, разложение, распад.
Острога для гостей.
ОГРОМНЫЙ кабинет круп-
ного дельца. Удобная ме-
бель, нет ничего лишнего.
На столике возле большого пи-
сьменного стола растелена карта.
Двое сидят по обе стороны пи-
сьменного стола. В одном из узна-
ем Казарина. Он и его собесед-
ник обмениваются короткими
фразами.
Казарин. Надолго пожаловали
к нам?
Рябушский. Теперь надолго
невозможно. (Подходит к окну).
Казарин. Можете быть посредни-
ком?
Казарин. По продаже заводов?
Рябушский. Да.
Казарин. Я знаю питерские
заводы, именные заводы. Сердце
инженерское боли.
Рябушский. Отчего?
Казарин. От одной мысли, что
они уйдут от нас...
Рябушский. Возьметесь?
Казарин. Как говорят французы
— са делан.
Рябушский. Зависит от того,
сколько получите?
Казарин. Совершенно правиль-
но.
Рябушский. Пять комиссия-
рных.
Казарин. Сговорен. Еще бы!
Казарин. С переводом на Сток-
гольм.
Рябушский. Хорошо. Но за-
воды продаем намертво. Погляди?
Казарин. Вполне.
Рябушский. Вагляните сюда.
Оба наклоняются над картой.

И СНОВА на экране берег
озера, шалаш, стог острогом
пень.
Ленин. Даже здесь, в этом ти-
хом углу, я чувствую, как креп-
нут наши силы. Как хорошо впо-
да доносится здесь.
Серго. Слышите, Владимир
Ильич?
Ленин. Гармонь «саратовка».
С детства полюбил...
Серго. Простба к вам, Влади-
мир Ильич. Мы все просим вас.
Когда это мелодико ваиграет
громче, вду уютно отсюда в пу-
стоту и обожда там, пока за ва-
ми придет.
Ленин. Сигнал об опасности?
Звучи становится более гром-
кими.
Серго. Вот как раз такая ми-
нута.
Ленин (прислушался). Что м...
Передом в пустыни.
Оба уходят.
БЕРЕГ озера — недалеко от
того места, где стоит шалаш.
Казарин (он в шляпе-пантоф).
Вырвался на несколько часов
из города, и то рыба не клевет.
А у вас?
Бреслав (тощий, черново-
лый, в пенсне). Колочка.
Казарин. Нет, что происходит?
Только после этой идиотской
стрельбы я стал свободнее ды-

Мы знаем, как прекрасна она в дни наших традиционных праздников, каков веселье идет по ее улицам, так долго не затихающим! Молодежный праздник придал новые черты ночному веселью столицы: на ее бульварах и площадях поют и пляшут «бродячие ансамбли». Они возникли повсеместно, количество их не поддается учету, но их программы и составы великолепны. Это чаще всего ансамбли «милитарей» с гитарой, вокруг которых теснятся небольшие компании отличных спевшихся — в школе ли, в вузе ли, на заводе или во дворе — юношей и девушек. Но вокруг каждого такого дружного ядра тотчас же объединяются десятки, а то и сотни людей — и вот они идут, танцуют и поют. Идут по Красной площади, и встречная группа молодых венгерок, по просьбе которой останавливается ансамбль, чтобы исполнить хорошую песенку, сама сливается с ансамблем; идут по улице Горького, приветствуя делегацию Италии и Вьетнама, Ганы и Колумбии, и вот уже в танцевальный круг — в «бродячие ансамбли» танцоры не уступают запевалам — входит пожилая женщина, выхрем оббивая дробь по брусчатке, влетает гражданин вполне солидного вида. И девушки из Карелии, выступавшие в этот день на площади Маяковского, едва покинув эстраду, заводят веселый хор...

Идут по Красной площади, и встречная группа молодых венгерок, по просьбе которой останавливается ансамбль, чтобы исполнить хорошую песенку, сама сливается с ансамблем; идут по улице Горького, приветствуя делегацию Италии и Вьетнама, Ганы и Колумбии, и вот уже в танцевальный круг — в «бродячие ансамбли» танцоры не уступают запевалам — входит пожилая женщина, выхрем оббивая дробь по брусчатке, влетает гражданин вполне солидного вида. И девушки из Карелии, выступавшие в этот день на площади Маяковского, едва покинув эстраду, заводят веселый хор...

Федор ФОЛОМИН

Голоса природы

В АРЛАМ Шаламов изобразил в своих северных стихах яркую и дикую красоту нетронутой тайги, послушал многообразие голоса природы. Нет в этих стихах выдумки, нет и желания удивить, обмануть читателя хлесткой метафорой, звонкой игрой слов. Наблюдения поэта воплотились в необычных по своей свежести, точных образах. Чувство любви к природе породило непосредственную и напряженную интонацию: Смешалась облака и волны, И мира вывернут испод, По трещинам зубчатых молний Разламывается небосвод. По желтой глиняной корчаге Гуляют грома кулаки. Вода спускается в овраги, Держась руками за пенки. Наступает осень, и «в рассветлый час не поднимет земляника воспаленных глаз», «бегут с восьмерки черных муравьев». Жесточкой зимой стланник становится кам-

нем. Поднявшись, раздвигавшись у случайного ковра, Он плачет, узнав об обмане. Над гаснущим нашим костром, Светящимся в белом тумане, В морозном тумане лесном. Четкий рисунок, сдержанный, уверенный почерк В. Шаламова напоминает лирические пейзажи И. Бунина. Нельзя не порадоваться мастерству поэта — его любовному вниманию к слову, достоверности образов. Но не слышим ли мал и тесен мир героя, вознивший на необозримых таежных просторах? Природа заворожала поэта, подчинила себе его творчество. Влюбленность в тайгу вызвала преклонение перед ее вековым величием. Она не любит человека И не зовет к себе домой. ...Но если голосом ребенка Попросит помощи у ней, Она тотчас бежит вдогонку И бидет матери нежней. Человек здесь приходит не для того, чтобы покорить природу, а попросить у нее помощи. Тогда тайга приглубит его,

Здравствуй, дружка молодого государства Ганя! Руку на дружбу дает вам чешская молодежь.

Если бы так почаще да погуше. Бреслав. Это средство надо применять очень осторожно. Казарин. Ясно. Редактор социалистической газеты иначе сказать не может. Бреслав. Социалисты бывают разные. У вас кто? Казарин. Пескарь несчастный. Но ведь казаков в июле вызвали вы, господа. Захаров (сидит и удит по-опад). Что правда, то правда. Бреслав (оборачивается, сердито). Что правда? Что правда, милейший? Захаров. Что казаков в Питер пригласили. Казарин. Поздно вызвали. Я еще в марте говорил, что необходимо Кавеняк. Нюра (повзвывая, как деревенская женщина, с корзинкой). Грибков не желаете ли? Ранние, сухие. Казарин. Видишь канаречную дачу? Скажешь кухарке, что барин послал. (Бреславу.) Только теперь я осмеливаюсь сказать — «барин». Нюра и Захаров чуть заметно усмехнулись. Казарин (Бреславу). Или вам это не по нраву? Бреслав. Кроме убеждений, существует еще и стиль. И я бы не сказал, что вы выбрали правильный стиль. Захаров (тихо Нюре). Передай в городе, что я завтра приеду. Нюра уходит. Казарин. Нет, рыба исподличалась. И все вокруг подлое. Ведале. Захаров (у него в эту минуту самый протодушный вид). Чудно. Начали о рыбе, а перешли на другое. Казарин. Поими, треху, вся Россия поддал.

Захаров. Все-таки родина, как никак... Бреслав. Знают ли они, что такое родина. Мы вятские, новгородские, костромские, астраханские. Казарин. Bravo, редактор! Бреслав (сердито солиг). И этому темному люду толкуют о социализме. Казарин. Но ведь и вы толкуете об этом. Бреслав. Да, но как? Социализм родился на Западе. Запад и сейчас должен показывать пример. А исповедовать эти... доморощенные, крайние теории... Это же исправлять детем то, что написано на «Ундервуде». Так я написал в воскресном фельетоне. И мне передавали, что в Ленинском лагере мой фельетон кое-кого разозлил. Захаров (в сторону). Соврали тебе, а верней всего — сам врешь. Казарин (Захарову). Эй ты, треху... Захаров. Я не треху... Казарин. Все равно — трехуком несет. Что-то мне твою личико знакомо. Ты где работал? Захаров. Где пришлось. Казарин. Ну, все равно. Знаешь, кто такой Кавеняк? Захаров. Нет. Казарин. А полезно знать. Он среди вашего брата умел наводить порядок. (Бреславу.) Прошу ко мне на грибы. Бреслав. Увы... Надо в город. Телеграмм должно быть, накопилось из за границы... Казарин (складывая заграничную удулку). Лучше бы вместо телеграмм томми прислала на Невский. А то опять по ночам тревожно мне. (Напевает.) «Долг путь до Тинперери». Надо бы, чтобы был покороше. Нет, желательно необходим Кавеняк.

ЖУРНАЛЫ В АВГУСТЕ

«ЗВЕЗДА» Августовская книжка «Звезда» открывается статьей А. Прокофьева, посвященной итогам июньского Пленума ЦК КПСС и задачам советской литературы. «Долг писателя» — так озаглавлена эта статья. Проза представлена в журнале начальными главами романа А. Розена «Времена и люди» (о жизни воинов Советской Армии), рассказом В. Шернера «Чуждомое». Заключается печатанием роман Л. Вайсберга «Мечты сбываются». В разделе поэзии — две большие подборки. В одной из них собраны новые стихи болгарских литераторов О. Орлинова, П. Матева, Г. Джагарова, Д. Стефанова, Д. Методиева (в переводах В. Торопыгина и О. Шестинского). Вторая подборка посвящена творчеству молодых иркутских поэтов Р. Смирнова, В. Лайшикова, С. Кузнецовой, А. Преловского, М. Сергеева. Среди публицистических материалов — очерк А. Рискина «Наш новый дом», статья М. Воскобойникова «Север стал ближе», заметки А. Кожина о современном Китае «Путь миллионов».

«ЮНОСТЬ» Августовская книжка открывається редакцией статьей В. Катаева «Народ и партия — едины» — об июньском Пленуме ЦК КПСС. В номере много рассказов и стихов молодых авторов. Все они посвящают свои произведения VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Печатаются рассказы: Н. Тарасенковой «Море не шутит», Н. Новоселовой «Ромео и Джульетта», Е. Шацько «Разъездный инспектор Кашкина», Е. Баренбойм «Саша», В. Осипова «Неотправленное письмо».

Со стихами выступают В. Костров, В. Саморуков, Г. Фере, Э. Тополь, А. Пеньков, С. Соложенкина, Н. Карпов, А. Сабельников. Читатели познакомятся в этом номере с циклом стихов С. Васильева «Из осенней тетради». В этом номере заканчивается печатание рассказов крупнейшего советского авантюриста А. Яковлева. Под рубрикой «40 лет назад» публикуются материалы, характеризующие августовские события 1917 года. С воспоминаниями о Великой Октябрьской социалистической революции на страницах журнала выступает старая большевичка Т. Люблинская. «Юность» печатает статью кандидата технических наук Ю. Хлебникова «Как будет покорена луна».

Вот на этом дереве он вздернул бы, скажем, троих. Три зарукии, эх... (Уходит вместе с Бреславом.) Захаров (смотрит им вслед). Тревожно по ночам? Еще тревожнее будет. Я тебе покажу Кавеняка. Я тебе покажу три зарукии, сволочь. БРЕГ озера. Шалаш, в котором живет Ленин. Стог сена. Ленин и Серго выходят из пустоты. Ленин. Значит, на Выборгской стороне? Серго. Яков Михайлович считает, что там условия для съезда будут лучше, чем в другом месте. Ленин. Свердлов прав. Но следует иметь и другую точку. Мы четверть века учились строить надежное подполье. Оно особенно нужно шестому съезду. Ведь это последний наш съезд перед штурмом... Последний делегат съезда должен вернуться домой. Вы когда в Питер? Серго. С ночным, Владимир Ильич... А что бы придумать, чтобы вам лучше было здесь? Ленин. Ничего не надо придумывать. Здесь отлично. Я отдыхаю и работаю. И чернила, и бумага — все, что требуется. Но с библиотекой трудно. (Он достает из-под сена сумочку.) Вся тут. Ну, сегодня больше нельзя работать. Нет освещения. Сумерки. Вон зажгли свет. Видите! На горизонте зажигаются огни. Они идут ровными рядами. Ленин. Это огни Выборгской стороны. Да... Выборгская хороша собой показала. Но надо помнить о другой точке. Передайте мое мнение товарищам. Серго. С ночным, Владимир Ильич... А что бы придумать, чтобы вам лучше было здесь? Ленин. Ничего не надо придумывать. Здесь отлично. Я отдыхаю и работаю. И чернила, и бумага — все, что требуется. Но с библиотекой трудно. (Он достает из-под сена сумочку.) Вся тут. Ну, сегодня больше нельзя работать. Нет освещения. Сумерки. Вон зажгли свет. Видите! На горизонте зажигаются огни. Они идут ровными рядами. Ленин. Это огни Выборгской стороны. Да... Выборгская хороша собой показала. Но надо помнить о другой точке. Передайте мое мнение товарищам. Серго. С ночным, Владимир Ильич... А что бы придумать, чтобы вам лучше было здесь? Ленин. Ничего не надо придумывать. Здесь отлично. Я отдыхаю и работаю. И чернила, и бумага — все, что требуется. Но с библиотекой трудно. (Он достает из-под сена сумочку.) Вся тут. Ну, сегодня больше нельзя работать. Нет освещения. Сумерки. Вон зажгли свет. Видите! На горизонте зажигаются огни. Они идут ровными рядами. Ленин. Это огни Выборгской стороны. Да... Выборгская хороша собой показала. Но надо помнить о другой точке. Передайте мое мнение товарищам.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

(Окончание. Начало на 1-й стр.) Если посмотреть внимательно произведения, которые обычно связывают с «критическим направлением», то легко заметить, что многие из них страдают упрощенчеством и схематизацией не в меньшей степени, чем те, против которых они внутренне полемизируют. В печати высказывались разные суждения о повести Тендрякова и острого писателя В. Тендрякова «Тугой узел» (в журнале «Новый мир» она печаталась под названием «Саша отправляется в путь»). В ряде выступлений подчеркивалась полемическая острота повести против упрощенного подхода некоторых литераторов к явлениям действительности, причем упрощенность, как выясняется при внимательном рассмотрении, называлась предпочтительным вниманием к положительным явлениям жизни. Да, о повести Тендрякова не скажешь, что она страдает излишним доверием к положительным возможностям людей. Она далека от приукрашивания, но во многом далека и от подлинной правды жизни. Один за другим проходят в ней первые секретари райкома партии, которые, смеялись друг друга, последовательно разваливали дела в районо. Есть в ней второй секретарь райкома, глупая, пустая женщина. Есть еще инструктор райкома, секретарь первичной партийной организации — оба, как говорится, ни рыба ни мясо, оба заметно отупели. Совершенно невыразителен секретарь обкома партии, который слишком долго не может понять, что творится в одном из районов области. И все это не восторженные образы. Это образы, которыми решается идея вещи в целом. И, что самое удивительное, героев повести, за исключением образа Мансурова, действительно типического образа карьериста и бюрократа, мы не видим в действительности, не знаем ничего о мотивах их поступков, о жизненных путях, приведших их к тому положению, когда они стали чуждыми порока. Как правило, их образы создаются из разговоров разных персонажей повести. А этого для объективного писателя недостаточно. Интересно задуман образ Игната Гынзина. Он мог бы стать в ряду лучших образов прозы последнего года, если бы не очевидная установка автора на противопоставление его почти всем другим действующим лицам. Да, Игнат Гынзин силен народной мудростью. Но если о ней, о народной мудрости, говорить всерьез, то она прежде всего состоит сейчас в глубоком доверии к партии, в сознании того, что нет у партии других интересов, кроме интересов страны и народа. А партия — это люди, рядовые ее члены и руководители, люди, вышедшие из народа и являющиеся его частью. Не видеть этого, значит впасть в схематизм, значит упрощать. Тендряков говорит о партийных работниках трех уровней — от первичной партийной организации до областного комитета партии, но ни для кого не находит доброго слова. Справедливо ли это? Справедливо ли это, скажем, по отношению к тому же Комелеву, секретарю райкома партии, который умер от инфаркта по пути из колхоза и которому автор на первых страницах утрачивает похороны по третьему разряду, причислив к тем, о которых ни сказки не расскажут, ни песни не спойт? Самые тяжелые ошибки и просчеты отдельных работников не могут заслонить от художника смысл и значение гигантского, самоотверженного труда партийных работников «районного масштаба». Но для этого необходимо выработать более зрелый взгляд на жизнь, такой взгляд, который был бы свободен от предрассудков литературных схем: как той, согласно которой партийный работник отличается от святого только тем, что, ввиду своего атеизма, лишен нирва, так и той, которая пугает писателя жульон «идеального героя», призывая отказаться от самой мысли о создании образов, достойных подражания.

МНОГИЕ люди вызывают у других желание подражать им, учиться у них, жить, как они. Стыдно спорить относительно наличия таких людей в жизни, в нашей героической советской жизни. Ведь только мечтания не признает за другими никакого превосходства и считает себя самого совершенством. Но, может быть, потому в нашем обществе, кажется, и нет более позорного клейма, как клеймо мещанства? И могут ли сомневаться в эстетической силе героя, достояния подражания, представителя той литературы, которая создала целую плеяду могучих волей и красивых душой типов русского и других советских народов? Центральным Комитетом партии постоянно призывает литераторов создавать образы героев, достойных подражания, ибо сама положительного примера — одна из самых важных движущих сил развития общества, воспитания людей. Но, конечно, это должны быть живые, человеческие примеры. Схематичные, бескровные образы никогда не имеют притягательной силы истинного художественных образов, а, напротив, имеют силу отталкивающую. Потому, что они мертвы. Мне кажется, П. Загребельному не мешало бы задуматься над тем, что вышло из

его пера под названием «Кундй». Какими только ужасней не нагроможден он в своем небольшом рассказе! Ловкий проходимец Юрий Лысопский ухитряется закончить институт, в сущности не участвуя в нем, и не став ни одного экзамена. Он украсил грудь пятью боевыми орденами, не побывав ни в одном бою. Он попадает в партийный аппарат и легко «делает карьеру». Он, неуч, не работавший на производстве, становится главным инженером крупнейшего металлургического завода. Он доводит до аварии домну и подло сваливает вину на молодого инженера. Он на глазах у разных коллективов — студенческих, военных, рабочих, партийных — лицемерит, подкалывает, ловит, интригует, подкалывает, но ему все равно, везде ему сопутствует удача, будучи его поведением не противоречит нормам нашей жизни. Федор Сергеевич, рассказывающий историю Юрия Лысопского, объясняет удачу таких проходимцев тем, что они знают секреты жизни. Сам он охотно распространяет насчет этих секретов, и, как ни странно, в его рассказе не чувствуется гнева. Автор не вмешивается даже там, где рассказ становится явно похожим на сплетню, не уличает рассказчика как лжеца, даже когда тот судит о партийной работе, как злобствующий обыватель. Во время войны Федор Сергеевич растаскался со своим другом Юрием: пошел на передовую, а друг — в дивизионный клуб. После войны они закончили институт, и, говорит Федор Сергеевич, «снова я пошел на передовую» — строит мартовский цех на нашем заводе. Юрий оказался в близких тылах — в райкоме партии, инструктором по промышленности. С каких это пор райкомы пребывают во втором ашелоне, а партийная работа стала приравниваться к работе тыловиков в худшем смысле слова, который связывается с людьми, причислившимися к опасным? Но такого вопроса, как и многих других, автор не ставит перед своим рассказчиком. Он молчит и, выходя, со всем соглашается. В одном только его упрекает: почему не боролся, почему не разоблачал? Но где же Федору Сергеевичу бороться и разоблачать, когда он убежден — такова наша жизнь. Так в чем же истина? Рассказ населен такими ничтожными людьми, уровень их гражданского мышления так низок и отношение писателя к ним до того неприглядное, что настоящего ответа на этот вопрос в рассказе нет. И не сможет писатель дать ответ ни на один общественный вопрос, как только потеряет способность различать краски, как только уступит схеме. Все равно какой. В рассказе П. Загребельного есть эта уступка схеме, ощущается «модное» желание избежать таких образов, о которых можно было бы говорить как о положительных, достойных подражания. Плохая это мода!

ПО МОСКВЕ С ПЕРОМ И КАРАНДАШОМ

Из рисунков Жана Пьера Шаброля

ДЕСАНКА МАКСИМОВИЧ

ДЕСАНКА Максимович — это имя произносит югославский читатель с особенной теплотой. В 1924 году вышла первая книга Максимович, и с тех пор ее стихи для детей читают своему ребенку каждая мать в Югославии, вводя его в пестрый и сложный мир окружающей жизни. В этих стихах много солнца, красок, остро внимания к каждому движению ветра, своеобразно чуткой любви к человеку.

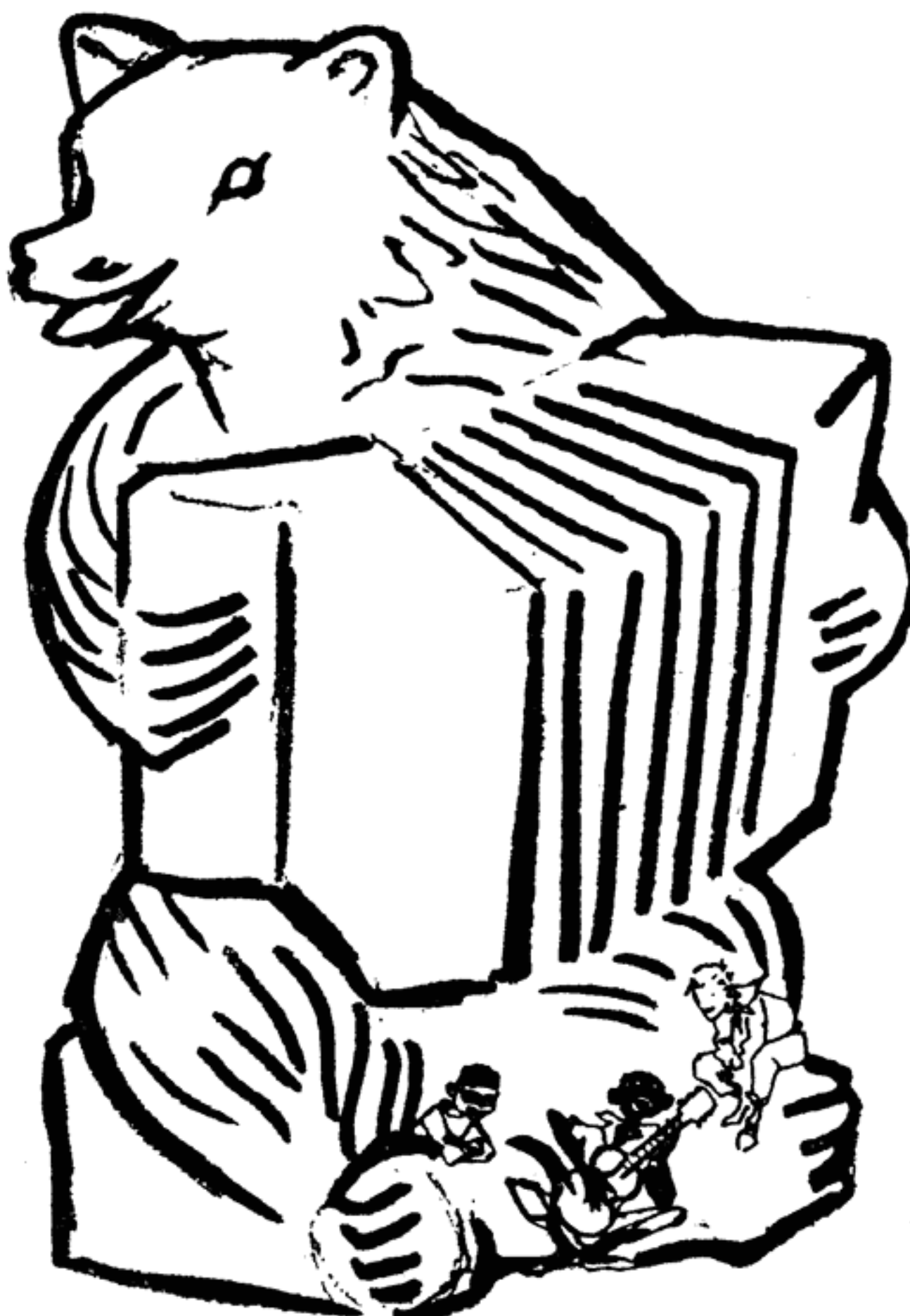
Если надо вступиться за правду, будьте спокойны, Я не позволю их с поля боя... Стихи Десанки Максимович прозрачно чисты, немогословны, точны. В них нет ни любования собой, ни наслаждения своей незаурядной властью над словом. И, пожалуй, именно этой простотой они волнуют и убеждают. Когда мать в ее поэме «Отчество, я здесь!» обещает своей дочери будущее, в котором «короли будут только у зверей и птиц», в котором «для каждого человека найдется и место, и дело», в котором «людей не будут гнать на гибель ради благ чужих», в котором «люди будут расти прямо, как привитое деревце» и не будет человек бояться человека; когда эта мать, вступившая в борьбу с поработителями, убежденно говорит своей дочери:

Петя.

Американцы в Кремле

Цирковое шествие.

Мигель Анхель АСТУРИАС, гватемальский писатель

ПАКТ ДРУЖБЫ МЕЖДУ ПИСАТЕЛЯМИ И МОЛОДЕЖЬЮ

VI ФЕСТИВАЛЬ молодежи, который проходит в Москве, дал возможность встретиться советским и зарубежным писателям, находившимся в советской столице, с молодыми участниками фестиваля. Одна из главных аудиторий университета смогла вместить огромное количество юношей и девушек всех стран мира (некоторые из них были одеты в свои национальные одежды), собравшихся сюда для того, чтобы лично познакомиться и поговорить с писателями, чьи произведения им знакомы. Молодежь ко всему относится с жаром, и обстановка, которая царит на этом вечере, была особенно приятна. Для писателей не могло быть более подходящего случая поговорить с молодежью мира.

Анкета, пригласившая для этой встречи, включала шесть вопросов, на которые писатели должны были дать ответы. Затем они должны были отвечать на вопросы присутствующих.

Первый вопрос был следующим: «Что, по вашему мнению, является жизненной задачей современной молодежи?»

На этот вопрос каждый писатель высказал свое собственное мнение, но все вместе можно свести к тому, что молодежь должна защищать узы дружбы между народами и сотрудничать всеми средствами для сохранения мира. Молодежь дано спасти мир от наихудшей угрозы разрушения, и для этого она должна бороться за запрещение атомного оружия и против войны. Фестиваль дает благоприятную возможность сплотить силы молодежи различных стран.

Второй вопрос, заданный писателям, был следующий: «Какие литературные произведения последнего времени рекомендуют вы и почему?»

В этом вопросе писатели не были единодушны. Некоторые называли произведения писателей, но не смогли более или менее четко сформулировать свое мнение. В заключение они рекомендовали те литературные произведения, которые содействуют пробуждению в молодежи великодушия, собственного их сердца, любознательности и стремления к благородным поступкам.

Третий вопрос анкеты был следующим: «В чем состоит призвание писателя?»

Призвание или деятельность писателя, так некоторые ставили вопрос, тесно связано с проблемами своего народа. Писатель является должником своего народа. Его произведения должны быть документом, отражающим нашу эпоху, он должен отобразить социальную действительность во всех ее стремлениях, надеждах, страданиях и битвах. Писатель должен стать сейчас

на сторону эксплуатируемых классов. Я лично, когда мне задали этот вопрос, ответил, что латиноамериканская литература была всегда, с самого своего возникновения, литературой воинствующей. Наша великая литература никогда не была соглашательской. Во времена эпохи испанского владычества появляются первые произведения о борьбе против колониализма. Затем следует литература времен войны за независимость, затем романтическая и, наконец, уже в настоящую эпоху, появляется в Америке серия произведений (в своем большинстве это новеллы), в которых вымысел настолько реален, что подобен самой действительности. Знакомство с настоящей литературой Латинской Америки позволяет мне подтвердить то, что уже было сказано: для того, чтобы литературное произведение могло долго жить, оно должно своими корнями уходить в народ; литераторы должны следовать примеру великих мастеров мировой литературы и особенно русской литературы, таких, как Горький, Гоголь, Толстой.

У нас, в Гватемале, у населения майя существует то, что мы называем «великий язык», — это человек, который рассказывает легенды народа, поет его победы, его страдания, празднует вместе с ним сбор урожая, радуется его искусству, смеется вместе с его детьми. Я обращаю внимание поэтов и литераторов на этих людей, чтобы и в их произведениях чувствовалось дыхание жизни народа, к которому они принадлежат.

На последние вопросы анкеты были даны общие ответы. Мы были рады, что собрались все вместе на этой ассамблее. Мы все можем сказать, что подобные собрания создают атмосферу дружбы и понимания между народами, что они — одна из форм борьбы за мир, против военной истерии. Рядом с поджигателями войны, имеющими к своим услугам печать, поднимается теперь стена молодежи. Молодежь верит в дружбу, в сотрудничество между народами, в крепкое рукопожатие между людьми.

...Москва одета в праздничный наряд, символизирующий мир, радость. Гости приветствуют улицы, широкие аллеи и площади, чудесно украшенные цветными флажками, обложками голубой и лампочек, превращающими ночь Москвы в праздник. Зрелище незабываемо. Прием, оказанный нам, не носит официального характера: гостей встречают все москвичи. В день открытия фестиваля и в последующие дни везде можно было видеть сотни людей, несущих букеты цветов или свою самую лучшую улыбку. Встреча молодежи с писателями прошла в той обстановке взаимопонимания и дружбы, в которой проходит VI фестиваль.

К концу дня у него еще хватало сил отвечать на приветствия...

— Кто это? — Не знаю, но уверен, что друг.

Увидеть Москву — большое счастье

УВИДЕТЬ Москву — большое счастье. Для меня это — осуществление мечты, которая овладела мною все сильнее по мере того, как шло время. Это было неодолимое желание встретиться, наконец, со старым другом, которого я никогда еще не видел.

Питер ТЕМПЕСТ, английский поэт

Владимир Ильич Ленин покоится здесь в мавзолее.

Немного дней прошло с тех пор, но мне кажется, что я в Москве уже очень давно — так много друзей я приобрел здесь.

Я знаю, что с того момента, как мы ступили на советскую землю, молодых посланцев Англии окружает атмосфера дружелюбия и гостеприимства.

Многим молодого электрика, который ожидал наш поезд ранним утром. Увидев Энн — девушку двадцати одного года, служащую из Лондона, он выпустил голубя. Здесь, в Москве, Дороти — девушка из Дагемма в Эссексе, приветственно махала рукой из окошка нашего автобуса; подошел московский школьник и опустил ей на руку белоснежного голубя.

Тысячи трогательных эпизодов и встреч, подобных этой, — бесчисленные песчинки, из которых создается прочный цемент дружбы.

Укрепление мира и дружбы между народами — есть ли цель более благородная для молодого английского поэта?

Намерение «Литературной газеты» опубликовать мое стихотворение «На центральном стадионе» — большая для меня честь. Я знаю, что мир — это кровное дело каждого советского гражданина, и с чувством большой радости заверю всех советских людей в том, что простые люди Британии тоже стремятся к миру.

Пусть же узы нашей дружбы станут еще теснее, давайте бороться за сохранение мира вместе, с тем же доверием и тем же чувством, с которыми мы вместе танцуем во время фестиваля на улицах вашей столицы.

НА ЦЕНТРАЛЬНОМ СТАДИОНЕ

С пяти континентов, Путьяи пяти океанов, Чтoб снa увидетъ нaвy, Приехaлa молодoсть — Молодoсть мирa — На сoей фестивaлe в Москy.

И вoт В испoлнeннoм чaсe, Гдe мяч футoльный летaл, Трeтeя кoвер чeлoвeчeский, Крeпoк oн, кaк мeтaлл. Над нaми лoют фaнфaры, Синeет нeбa oкнo.

Винy рaстет, кoлхaнeя, Нeвидaннoе пoлoтнo.

И кaждый нaрoд прибaвляeт Нoвый штрих или тoн К живoму атлaсу мирa, Укрaсившy стaдиoн. Никтo oсквернитъ днe смoжeт, Нe смoжeт никтo oбoлгaтъ, Прeкрaсное зрeлищe этo, Кoтoрoмy юнoстъ — мaть.

Ещe никoгдa нa свeтe Нe тaкaя тaкoй кoвер.

И крeпчe eгo Плaнeтa Нe видeлa дo сих пoр.

Он нeдeлим, Он нeрушим, Он будeт рaсти вce ширe: Из дpyжбы ткaнь eгo сплeтeнa,

Нитя eгo — из мирa.

Пeрeвeд с aнглийскoгo А. МAМOНOВ

Игры с точки зрения...

...гостей

ЛАРСА ЭКЕГРЕНА ваш корреспондент встретил на шоссе Энтузиастов, где расположено стадион «Авангард» — одна из спортивных новостроек советской столицы. Здесь происходит состязания стрелков из лука. С дистанции от 90 до 30 метров спортсмены поочередно выпускают стрелы по многочисленным мишеням, стараясь, разумеется, попасть в «золотую середину», то есть в центр мишени, окрашенный в желтый цвет.

одной из пещер было найдено изображение стрелка из лука, которому, по определению ученых, по крайней мере пятнадцать тысяч лет? Мы вправе считать и гордиться тем, что представляем на играх молодежи древнейший вид спорта. В итальянском городе Пизе существует клуб стрелков из лука, основанный в X веке. Еще в 1603 году в Шотландии был установлен самый старый спортивный приз — серебряная стрела, — который с тех пор разыгрывается ежегодно. Нам известен и рекорд дальности полета стрелы, установленный в средние века турком Искандером. Выпущенная им стрела пролетела 1400 метров.

— Должен сказать, что сейчас соревнования из дальности полета стрел, — говорит далее г-н Экегрен, — проводятся только в Америке. Мы же практически состязания на меткость, на точность попадания в цель. Вам, может быть, неизвестно, что первое официальное первенство мира по стрельбе из лука было организовано в городе Львов в 1931 году, а недавно в Праге был

СЕГОДНЯ — шестой день международных дружеских спортивных игр молодежи. Близится к финишу состязания легкоатлетов, боксеров, велосипедистов на треке, стрелков из лука, но еще все впереди у гимнастов и штангистов, еще неясен исход борьбы на футбольных полях и баскетбольных площадках. Словом, любителям спорта предстоит увидеть за оставшуюся до конца игр неделю немало интересного.

Корреспондент «Литературной газеты» попросил высказать свое мнение об играх, равно как и о некоторых проблемах спорта в связи с играми, нашего гостя — генерального секретаря Международной федерации стрельбы из лука г-на Ларса Экегрена (Швеция), старшего тренера сборной команды СССР по легкой атлетике Гавриила Коробкова и рядового «болельщика» — зрителя, инженера с Дальнего Севера Михаила Глыдышева.

ми советскими «лучниками». Надеюсь, что на следующих чемпионатах мира мы увидим и команду советских «лучников», которая, конечно, сумеет сказать свое веское слово.

...тренеров,

ХОТЯ соревнования по легкой атлетике побольше число участников, — говорит Г. Коробков, — тем не менее они очень представительны, а главное, отличаются весьма высокими результатами. Новые рекорды игр можно считать достижениями международного класса. Среди участников — широко известные во всем мире спортсмены Станко Лоргер (Югославия), Манфред Прейсгер (ГДР), Хенрик Граббергер (Польша), Шандор Ихаорш (Венгрия). Словом, игры служат для легкоатлетов настоящей олимпийской школой.

Пономарева из Владивостока, который уже показывал время международного класса — 8 минут 48 секунд.

Конечно, мы должны делить выгоды не столько из наших побед, сколько из наших неудач. Сравнительно слабо выступили советские легкоатлеты в метании копья и толкания ядра, а также на спринтерских дистанциях. У нас все еще мало резервов. Например, рекордсмен страны в беге на 400 метров Ардашор Игнатьев сейчас сдает государственные экзамены в институте и по этой причине не может принять участие в играх. И вот оказалось, что его нечем заменить. В результате — жестокое поражение в беге на эту дистанцию и жесткий урок для нас, тренеров.

Что наиболее интересно предостит зрителям увидеть завтра, в заключительный день легкоатлетических состязаний? «Гвоздь программы» — тройной прыжок. Достаточно перечислить участников: рекордсмен мира и двукратный олимпийский чемпион Феррейра да Силва (Бразилия), обладатель серебряной олимпийской медали Вильямур Эйнарссон (Исландия), японец Теруши Когаке, имеющий второй результат в мире за всю историю легкой атлетики, рекордсмен Европы Леонид Шербатов

...зрителей

СВОЙ отпуск я приурочил к открытию игр, — говорит М. Глыдышев, — и не пропускаю ни одного дня. С 10 часов утра и до позднего вечера я в Лужниках.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» В связи с запросами с мест сообщаем, что подписка на «Литературную газету» принимается без ограничений. Подписная плата: с сентября до конца года — 20 руб. 80 коп., на один месяц — 5 руб. 20 коп. Подписка принимается в городских и районных отделах «Союзпечати», почтовых и отделенных связи, общественных учреждениях по подписке на периодических издания, в школах и колхозах, в учебных заведениях и учреждениях.

Издательство «Литературной газеты» Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИН, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, Е. РЯБИКОВ, В. ФРОЛОВ.